

О революциях и кризисах
в экономической науке

**Владимир
Сергеевич
Автономов**

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НАУКИ

WP HSE/METH/2025

METHODOLOGY



HSE
UNIVERSITY

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

О революциях и кризисах в экономической науке

В статье рассматривается применимость теории научных революций Томаса Куна к экономической науке. Автор анализирует три ключевых «революции»: маржиналистскую, кейнсианскую и лукасианскую (рациональных ожиданий), выделяя их стадии и особенности. Особое внимание уделяется асимметрии между кризисами (внешними и внутренними) и теоретическими ответами на них, а также сложному взаимодействию экономической теории, политики и идеологии. Представленный анализ позволяет сделать вывод, что куновская модель полезна для описания периодов турбулентности в экономической науке, хотя и с существенными оговорками.

JEL-коды: B41 Economic Methodology

Ключевые слова: научная революция, развитие экономической науки, маржиналистская революция, Томас Кун, Джон Мейнард Кейнс, Роберт Лукас,

I. Введение

Экономическую науку, как и любую другую, можно представить как неуклонный процесс накопления знаний, в котором последующие исследователи принимают эстафету от предыдущих, сохраняя их достижения и отбрасывая ошибки. Такой оптимистический, стоящий на позициях линейного прогресса взгляд, подчеркивающий преемственность в экономической науке, господствует в периоды постепенного устойчивого развития. «Исключительные ситуации <научные революции> являются дополнениями к связанной традициями деятельности в период нормальной науки» (Кун, 1977. С.23). Иногда он уступает место повышенному вниманию к природе и облику экономической науки и происходящим в ней переменам. Представляется, что именно это происходит в последние годы. Так, ежегодная конференция Европейского общества истории экономической мысли в Турине в мае 2025 года имела название «It's the end of economics (as we know it)»¹. Такой интерес и связанные с ним апокалиптические настроения, в первую очередь, связаны с так называемой «революцией достоверности» - резким переменам в области обращения с данными, направленным на приближение эмпирических экономических исследований к естественнонаучным экспериментам. Некоторые экономисты рассматривают «революцию достоверности» как фатальную для экономической теории вообще². Если взять более долгосрочный горизонт, то «революция достоверности» вписывается в рамки общего эмпирического поворота последних пятидесяти лет³, который сменил «формалистическую революцию» 1950-1960-х годов (Hutchison, 2000; Блауг, 2015). Как мы знаем, период, когда большинство статей в ведущих экономических журналах обходилось без данных, в настоящее время сменился на противоположный.

Такого рода «длинные волны» в истории экономической науки, которые касаются соотношения теоретических и эмпирических исследований в ее рамках, и, как мы видим, имеют названия революций, безусловно заслуживают отдельного и основательного анализа (Вакеев, 2023). Об этом соотношении неоднократно возникали споры между экономистами. Наиболее знаменит из них спор о методах между представителями исторической и австрийской школ Шмоллером и Менгером, который воспринимали как спор дедукции и индукции. Но и раньше мы можем отметить критику Смитом «политической арифметики» Петти, а позже — дебаты между Комиссией Коулза (Купманс) и Национальным бюро экономических исследований (Вайнинг), возникшие вокруг статьи Купманса «Измерение без теории». Но в рамках данной статьи мы будем заниматься не этим видом качественных трансформаций в экономических исследованиях. В центре нашего внимания будут иные революции, которые принято связывать со сменой ведущих направлений в самой экономической теории.

II. Куновские революции в экономической науке

Говоря о революциях в науке, мы неизбежно обращаемся к концепции Томаса Куна. (Кун, 1974). Теория научных революций Куна, появившаяся в 1960-70-е годы, стала объектом внимания экономистов именно в это время. В дальнейшем влияние теории Куна на историю экономической науки заметно ослабло (Drakopoulos, Karayiannis, 2005). Напрашивается предположение, что интерес к теории революций возник в период кризисных потрясений

¹ Можно также привести характерное название одной из статей: «Today's economics: One, No One and One Hundred Thousand» (Cedrini, Davis, Ambrosino, 2023)

² См. (Капелюшников, 2018).

³ Про эмпирический поворот см. (Backhouse, Cherrier, 2017).

западной экономики и спал после того, как кризис был преодолен. Теория Куна не всегда применима даже к естественным наукам, применительно к которым она, собственно, создавалась. С тем меньшим основанием можно говорить о куновских революциях в науках социальных, и, в частности, в науке экономической. Описанное Куном вытеснение одной парадигмой другой и выраженный период нормальной науки, когда все исследования ведутся в соответствии с господствующей парадигмой, в экономике найти трудно. Вместо этого в научном сообществе экономистов имеет место методологический плюрализм и ведутся затянувшиеся споры о методах между парадигмами.

Но экономическая наука стоит особняком и среди социальных: в ней есть ярко выраженный мейнстрим и соседствующие с ним гетеродоксальные течения. Когда мейнстрим достаточно резко меняется, это производит большое впечатление на научное сообщество экономистов. Поэтому, о научных революциях в экономической науке говорить можно с большим основанием, чем в других социальных науках.

Самыми важными понятиями в куновской теории научных революций применительно к экономической науке, являются, на наш взгляд, сама *революция* — разительное изменение (не обязательно скоротечное) в способах решения научных задач, а также предшествующий ей *кризис*.

Строгого определения куновской революции в науке не существует⁴. Применительно к экономической науке можно назвать такие важные признаки революции как сдвиг в предмете изучения⁵, новые инструменты и концепции, новыми математическими методами, новые методологические принципы, новая процедура эмпирической оценки соответствия теории фактам.

Важнейшими кандидатами на звание куновских научных революций в экономической науке являются маржиналистская *революция* 1870-х – 1890-х, кейнсианская революция 1930–1950-х и лукасианская революция или переход к микрооснованной макроэкономике с рациональными ожиданиями (1970–1980-е). При этом единодушия в признании того или иного переворота научной революцией не наблюдается.

Так, Джордж Стиглер не признавал маржиналистскую революцию, подчеркивая идентичность проблем, которые решали классики и маржиналисты (Stigler, 1969). Он считал, что субъективная теория ценности маржиналистов была скорее прогрессивным изменением в духе Поппера, чем радикальным полным пересмотром классической теории. Такая точка зрения выглядит парадоксально и имеет немного сторонников. Известно, что помимо новой теории ценности, которая составила основную точку прорыва⁶, маржиналисты перешли от субстанциональной классической парадигмы, в которой ценность создают капитал и труд, к теории, в которой она формируется самими экономическими агентами. Предмет экономической теории сдвинулся, говоря более современным языком, на микроуровень, где действуют не классы и нации, а индивиды. Соответственно мы можем говорить о методологическом индивидуализме вместо методологического холизма у классиков. Впервые примененный к теории ценности предельный анализ, вооруженный математическим аппаратом решения оптимизационных

⁴ Научные революции — «такие некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой» (Кун, 1977. С. 128)

⁵ «Обсуждение парадигмы всегда включает вопрос, какие проблемы более важны для решения?» (Кун, 1977. С. 150)

⁶ Отметим, что Маржиналистская революция восстановила очевидную для обыденного наблюдателя, но отвергаемую экономистами-классиками связь ценности с полезностью.

задач, далее распространился на другие экономические проблемы, вначале те, которые принято относить к микроэкономическим, а затем и к макроэкономике.

Что касается кейнсианской революции, то здесь, на наш взгляд, дело обстоит сложнее. Кейнсианскую революцию одни рассматривают как прерванную, другие как завершённую и удавшуюся, третьи как завершённую и неудавшуюся. (Baumberger, 1972. P. 32). В своей ранней статье Мишель Де Фру (De Vroey, 1975) полагал, что Кейнс, как и Смит, создал теоретическую систему без свержения старой. С его точки зрения, революцию Кейнс, подобно Смиуту, предложил в области политики, но в теории оставил маршаллианский подход. Но в более поздней книге Де Фру изменил свою точку зрения на кейнсианскую революцию и сделал вывод, что она подходит под *куновские критерии* (De Vroey, 2016).

В узком теоретическом смысле кейнсианскую революцию действительно можно поставить под вопрос. Нельзя утверждать, как это нередко делается, что Кейнс создал агрегатную макроэкономику как таковую. В своих ранних работах он опирался на Кембриджскую версию денежной теории (спрос на денежные остатки), затем на идеи Викселя (Backhouse, Tribe, 2018). При этом Кейнс действительно старался не выходить за пределы маршаллианского подхода, чтобы сделать свою позицию приемлемой для большинства коллег (De Vroey, 2016. P. 347–349). С другой стороны, многие выдающиеся авторы отмечали революционность его взглядов. Как выразился У. Баумоль: «"Общая теория" — наиболее эффективный упрощающий прорыв в истории экономических идей»⁷ (Baumol, 2009. P. 175). Разумно предположить, что в случае Кейнса, революционность состояла в комплексе научных, политических и мировоззренческих аспектов (Stanfield, 1974).

Если говорить о чисто научном аспекте, то с точки зрения Де Фру, Кейнсианская революция состояла в обобщении маршалловского анализа частичного равновесия, избавлении от расчистки рынков как необходимого результата экономической теории и слиянии реальной и денежной теории, которые раньше существовали по отдельности (De Vroey, 2016. P. 379). Правда, эта революционность в полной мере проявилась уже в трудах не самого Кейнса, а последующих кейнсианцев. Есть и другие точки зрения на содержание кейнсианской революции, но ее реальность в подавляющем большинстве случаев сомнению не подвергается. Немаловажна и позиция самого Кейнса, выраженная достаточно недвусмысленно. В письме Дж. Б. Шоу 1935 г. Кейнс высказал веру в то, что его подход революционизирует способ, которым мир думает об экономических проблемах (Stanfield, 1974. P. 462). В «Предисловии» к «Общей теории» Кейнс пишет, что «написание этой книги стало для автора процессом длительной борьбы с привычными представлениями» (Кейнс, 2007 с.41).

Похоже на то, что единственная революция, против которой не было высказано возражений — это лукасианская революция рациональных ожиданий! Здесь мы имеем дело с большим количеством новшеств, начиная с предпосылки рациональных ожиданий и кончая методом калибровки, применяемым для количественной оценки.

Мы предлагаем включить в число куновских революций в экономической науке все три выше вышесказанные. Но это означает, что длинного ряда «революций», доступного для

⁷ В итоге, наверно, можно согласиться с Н.А.Макашевой: «То, что сделал Кейнс, это революция, пусть и не совсем в строгом методологическом смысле». (Кейнс, 2007. С.16).

исследований в истории экономической науке мы никак не найдем и любые обобщения относительно них будут иметь чисто гипотетический характер.

Для расширения базы может быть, имело бы смысл включить в рассмотрение также непризнанные или несостоявшиеся научные революции. В такой список могли бы попасть революция *laissez-faire*, связанная со Смитом, революция Маркса, спор о методах между поведенческой и неоклассической микроэкономикой, который закончился не революцией, а миром⁸. (Как пишет Талер, поведенческая экономика в конце концов конституировала себя как ремонт неоклассической теории, ее защиту от аномалий). На роль новой парадигмы выдвигалась также посткейнсианская экономическая теория (Eichner, Kregel, 1975). Наверно, наибольший интерес из явлений этого рода вызывает революция, которая не состоялась в макроэкономике после Великой рецессии 2007–2008 годов.

Такое расширение поля анализа не выглядит однозначно приемлемым: как мы знаем, неудачей кончаются не революции, а мятежи. Но так или иначе, иногда мы будем обращаться и к этим случаям в нашем, не претендующем на строгость анализе.

Еще одна важная проблема — это связь ведущей парадигмы экономической науки с определенной экономической политикой. Такая связь, несомненно, существует, но это, на наш взгляд, не дает оснований делать именно изменения в политике главным, конституирующим признаком научной революции. Такую попытку предпринял в годы наибольшей популярности теории Куна среди экономистов американский автор Дадли Диллард (Dillard, 1978). Ограничившись только английскими примерами, он причислил к революционерам Адама Смита, Давида Рикардо, Джона Стюарта Милля, Альфреда Маршалла и Джона Мейнарда Кейнса⁹. С точки зрения Дилларда, сущность революций в экономической теории заключается в их содержании - прежде всего в аргументах в пользу социальных реформ, скорее чем в изобретении новой техники анализа. Конечно, если пользоваться терминологией Шумпетера, история систем политической экономии представляет собой интересный предмет для анализа, но для применения куновской концепции больше подходит все-таки история экономического анализа.

III. Революции как длительные процессы из нескольких стадий

Как показывает опыт, революции в экономической науке – процесс достаточно длительный¹⁰. В этом процессе можно выделить такие стадии революций как первоначальную и стабилизирующую¹¹. В последней, собственно, и происходит формирование нормальной науки, соответствующей новой парадигме. Можно сравнить эти стадии с проявкой и закреплением фотокарточек в процессе, знакомом мне с детских лет.

Применительно к экономической науке можно назвать вторую стадию вхождением в мейнстрим.

Во всех обсуждаемых нами революциях первоначально мы имеем дело с радикальным пересмотром прежней парадигмы, затем происходит своего рода синтез нового и старого.

⁸ Б. Лоусби (Loasby, 1971) утверждал, что в экономической науке существует парадигма максимизации прибыли, но ей на смену должна прийти поведенческая теория фирмы.

⁹ Любопытно, что в перечне отсутствует Джевонс — единственный подлинный революционер среди английских экономистов, зато присутствуют «постепеновцы» Милль и Маршалл.

¹⁰ «Обнаружение самого факта и усвоение его теорией есть процесс и должно быть длительным по времени» (Кун, 1977. С. 83)

¹¹ Де Фру (1975) называл их деструктивной (негативной) и конструктивной.

Если говорить о «канонических» революциях (хочется назвать их «куноническими»), то первоначальную стадию маржиналистской революции мы привыкли связывать с залповым принятием теории предельной полезности Джевонсом, Менгером и Вальрасом (Истоки, 2023) Главным же «фиксатором» ее достижений следует считать Альфреда Маршалла, который смог развить и систематизировать новую теорию, упорядочить ее отношения с предшественниками — классической и исторической школами и изложить новый синтез в форме трактата-учебника. Не случайно именно к Маршаллу лучше всего подошел термин «неоклассика»¹², который в последующем вытеснил термин «маржинализм».

В двух других «школах» маржинализма примерно ту же функцию, хотя и не столь впечатляюще, выполнили представители второго поколения маржиналистов: Бем-Баверк, Визер, Парето.

Применительно к кейнсианской революции вопрос о датировке стадий наиболее сложен, поскольку сам канонический текст Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» имеет впечатляющую историю различных и даже противоположных интерпретаций.

Многие исследователи отметили, что реальная макроэкономика тех лет была очень далека от бесплодной «классики» в изложении Кейнса! Как писал Пигу, «классики», против которых восставал Кейнс, имели вид «фруктового салата из ложных интерпретаций». Макроэкономика в виде теорий цикла и монетарной теории¹³, конечно, существовала и до Кейнса.

Если следовать Лейонхувуду, Клауэру и др. и считать революционным вкладом Кейнса введение в макроэкономический анализ неопределенности, то к первоначальной стадии можно отнести знаменитую главу 12 о состоянии долгосрочных предположений и *animal spirits*, добавив статью 1937 г. Сам Кейнс в упомянутой статье отнес акцент на неопределенности к своим главным новшествам. Но если революция заключается именно в этом, то основное направление кейнсианцев, начиная с Хикса, статья которого примиряла господина Кейнса с классиками, ее предало. На стадии фиксации этот акцент выпал из рассмотрения и нормальной наукой стало формализованное «гидравлическое» кейнсианство. Именно такое кейнсианство оказалось возможным объединить с неоклассикой в рамках «Великого неоклассического синтеза». Здесь роль объединителя Маршалла взял на себя Самуэльсон, в том числе и потому, что он уложил этот синтез в рамки первого в истории школьного учебника по экономике¹⁴. То есть на стадии фиксации Кейнсовская революция стала кейнсианской. Мы можем сделать общий вывод, что научные революции связаны не с конкретными личностями, а с их влиянием на научное сообщество. То же самое произошло ранее с Марксом, а позднее с Лукасом!

Считается, что именно эпоха господства неоклассического синтеза ознаменовалась ростом престижа экономической науки и опирающейся на нее экономической политики управления совокупным спросом¹⁵. Как мы знаем, этот золотой век закончился в 1970-е

¹² Его впервые употребил Веблен в пейоративном смысле.

¹³ Здесь можно упомянуть много течений количественной теории: Фишер, Маршалл-Пигу, Виксель, Хоутри (Backhouse, Tribe, 2018).

¹⁴ «Говоря об источнике авторитета, я имею в виду главным образом учебники Б <...>, а также популярные и философские работы, основанные на них. Когда учебники переписываются, наука в новом изложении каждый раз приобретает <...> внешние признаки кумулятивности» (Кун, 1977. С.181,183).

¹⁵ Правда, строго говоря, кейнсианская политика полностью победила в США только при Кеннеди-Джонсоне, а в Европе она и не побеждала.

годы, когда под воздействием глубокого кризиса, произошла новая лукасианская революция¹⁶.

Здесь тоже можно выделить две стадии. Первая, представленная самим Лукасом (Lucas, 1972; Lucas, 1987), видела причины экономических циклов в монетарных шоках, производимых центральным банком, на которые агенты, оснащенные рациональными ожиданиями, отвечают специфическим образом, принимая инфляционный рост цен за рост относительных цен на свою продукцию. Модель Лукаса «насеяли» люди, живущие два периода и планирующие на следующий. Это и есть динамика, которой не было в кейнсианской модели IS-LM. Кроме того, рациональные ожидания позволили сделать анализ полностью общеравновесным, конечно, если понимать под равновесием не состояние покоя, а всеобщую оптимизацию.

Этот «новый монетаризм» продержался не так долго. Вместо денежных шоков (их эмпирически доказать не удалось), были предложены технологические. На авансцену вышла теория реальных бизнес-циклов Кюдланда и Прескотта (РБЦ), которая, за исключением предположения о природе шоков, оперировала теми же рациональными ожиданиями, что и модель Лукаса. перешла от денежных к реальным шокам, предположительно связанным с производительностью факторов производства. В РБЦ одинаковые бесконечно живущие домохозяйства имеют функцию полезности, зависящую от потребления и досуга в бесконечности и делают соответствующий выбор между трудом или отдыхом, потреблением или сбережением. Шокковый рост производительности труда (и реальной заработной платы) ведет к тому, что люди больше работают, а в случае роста производительности капитала (и реального процента) - больше сберегают. Интересно, что эту модель Ф. Рамсей предложил в 1928 г. для плановой экономики (Ramsay, 1928)!

Важно, что Лукас согласился с такой модификацией своей модели и не случайно. Она имела еще одно важное преимущество. В отличие от модели Лукаса, модель Кюдланда-Прескотта можно было оценить количественно (с помощью калибровки). И цифровая симуляция на американской статистике 1950–1975 ее подтвердила.

Калибровка, которая по сравнению с эконометрикой была более мягкой методикой тестирования гипотез, позволяла подставлять в качестве данных о предпочтениях и технологиях микроэкономические данные, результаты панельных исследований и прочих эмпирических наблюдений (Azariadis, 2018).

Такое усовершенствование позволило создавать многочисленные прогнозные модели DSGE, а это обеспечило занятость большому количеству макроэкономистов, что соответствовало ситуации нормальной науки¹⁷. Эта ситуация продолжается и сейчас, после «Великой рецессии» 2007–2008, когда не учитывающая существования финансовой сферы концепция реального делового цикла Кюдланда-Прескотта сошла со сцены, но модели DSGE остались в употреблении. Новый неоклассический консенсус (1980-е – середина 2000-х) сформировался без куновской революции. Здесь не было замены одной парадигмы другой. Новые классики принесли в этот синтез рациональные ожидания, а новые кейнсианцы - номинальную жесткость зарплат и цен и провалы рынка (Duarte, 2010). Естественно, вошли в модели и финансовые переменные. Отметим, что облик моделей

¹⁶ См. следующее высказывание Де Фру: «Если есть в истории экономической науки что-то, заслуживающее названия революции, то это трансформация, начатая Лукасом и завершенная Кюдландом и Прескоттом» (De Vroey, 2016 P. 280).

¹⁷ Модели а ля Лукас могли привлечь небольшую группу макроэкономистов. Прикладная программа Кюдланда-Прескотта обеспечивала хлебом и маслом легионы экономистов. (De Vroey, 2016)

DSGE и методология их построения остались такими же, как у Кюдланда и Прескотта, а включение в модель отдельных кейнсианских переменных вовсе не означает возвращения к кейнсианству.

IV. Кризисы в экономической науке

Теперь настало время обратиться к кризисам, которые согласно теории Куна, предшествуют научным революциям. Кризис является обязательным условием революции¹⁸, но не всегда заканчивается сменой господствующей парадигмы — она может быть настолько закреплена институционально, что может подавить сопротивление оппозиционеров (Stanfield, 1974). Наверно, самым ярким проявлением такой ситуации было влияние исторической школы Шмоллера в Германии, когда последователей новомодного маржинализма просто не допускали до теоретических кафедр в немецких университетах. Другой вариант мирного исхода кризиса можно проиллюстрировать на примере завершающих стадий споров о методах, когда позиции сторон модифицировались так, чтобы включить в себя вклад оппонентов (Автономов, Автономов, 2016). Так случилось в итоге спора между поведенческой экономикой и неоклассикой. Похожий сценарий реализовался и после Великой рецессии 2007–2008 гг.

Новая парадигма может представлять как непосредственная реакция на кризис. Но, как правило, она, в значительной своей части, предвосхищается еще до кризиса¹⁹. При этом эти предвосхищения в свое время обычно игнорируются. Наиболее известную историю таких отвергнутых предшественников мы имеем в случае маржиналистской революции, предшественники которой выдвигали отдельные положения маржиналистской теории, начиная с 1830-х годов, а в 1854 г. Госсен вообще представил почти полное ее изложение, не имевшее абсолютно никакого резонанса. Но и некоторые основные положения Кейнса были предвосхищены Викселем и другими. А концепция рациональных ожиданий была выдвинута Дж. Мутом задолго до Лукаса. В основу теории РБЦ легла теория Рамсея (1928) про оптимальные инвестиции (нормативную для централизованной закрытой экономики).

Значение кризисов видимо состоит в том, что они свидетельствуют о своевременности смены парадигмы экономической теории²⁰. Но одного кризиса для смены парадигмы недостаточно, необходимо и наличие кандидата на то, чтобы занять ее место²¹.

Среди кризисов в экономической науке мы предлагаем выделить внешние и внутренние. *Точнее, наверно, будет сказать, что кризисы имеют внешние и внутренние аспекты.* Под внешними будем понимать осознание научным и не только научным сообществом несоответствия господствующей парадигмы реальному положению вещей. Это выходит за рамки куновского понимания кризиса, которое сфокусировано на самом научном сообществе, но кризисы экономической науки виднее и чувствительнее для широкой

¹⁸ «В каждом случае новая теория возникла только после резко выраженных неудач в деятельности по нормальному решению проблем» (Кун, 1977. С. 107).

¹⁹ Часто новая парадигма возникает, по крайней мере, в зародыше до того, как кризис зашел слишком далеко или был явно осознан» (Кун, 1977. С. 121).

²⁰ «При отсутствии кризиса эти предвосхищения игнорировались». «Значение кризисов заключается в том, что они говорят о своевременности смены инструментов». (Кун, 1977. С. 107, 109).

²¹ Достигнув однажды статуса парадигмы, научная теория объявляется недействительной только в том случае, если альтернативный вариант пригоден к тому, чтобы занять ее место» (Кун, 1977. С. 110.).

публики, чем кризисы, например, в физике. То есть, в таких случаях имеет место *несогласованность теории с фактами*.

Внутренние аспекты кризисов соответствуют куновской трактовке этой категории, они относятся к самому научному сообществу и отражают *несогласованность внутри самой теории*. В этом аспекте особое значение приобретает вопрос: «*Революция против кого?*».

Всякий сознательный революционер нуждается в образе противника, против которого направлена его аргументация. Поэтому, среди тройки основателей маржинализма сознательным революционером мы можем назвать только Джевонса, много лет сражавшегося против Дж. С. Милля, по курсу которого он был вынужден принимать экзамены у студентов. Менгер считал себя продолжателем классических (не исторических!) немецких традиций, о чем свидетельствует не только посвящение его основного труда Вильгельму Рошеру, но и большое количество ссылок в нем на немецких предшественников. Вальрас, в свою очередь, продолжал французские математические и субъективистские традиции Курно, Дюпюи и своего отца.

Для Кейнса главными противниками, видимо, оказались Рикардо, Сэй и классическая макроэкономика (Parsons, 1985). Кейнсианская революция была направлена не против неоклассики (здесь Де Фру в своей ранней работе совершенно прав), а против классики. Таким образом две из перечисленных нами в начале революций были революциями против английской классической политической экономии, только Джевонс воевал с рикардианской теорией ценности, а Кейнс — с рикардианской макроэкономикой.

Для Лукаса осознанным противником был Кейнс, и он открыто об этом объявил, рассказывая о своем кейнсианском образовании (Lucas, 2004).

Внутренние аспекты кризисов заметны только профессионалам. Таковы полемика вокруг «фонда заработной платы» во второй половине XIX в., поставившая под сомнение классическую теорию, поведенческие аномалии относительно теории ожидаемой полезности, которые послужили основанием для развития поведенческой экономики (спор о методах, не приведший к революции). Такова и знаменитая критика Лукаса (Lucas, 1976). Внутренние аспекты кризисов экономической науки обычно свидетельствуют о несогласованности внутри теории и разрешаются революциями «во имя порядка». Здесь наблюдается такая тенденция: в итоге революции утверждается более общий подход, он же более абстрактный²². Это наиболее ярко проявилось на примере маржиналистской революции, когда на смену имевшимся у Рикардо разным объяснениям ценности свободно воспроизводимых и редких благ и отдельному объяснению ценности при международном обмене пришла единая и более абстрактная теория предельной полезности.

Кейнсианская революция объединила реальную и денежную теории (наиболее наглядно в виде модели IS-LM). (De Vroey, 2016. P. 379). Что же касается лукасианской революции микрооснованной макроэкономики, то можно сказать, что она упорядочила трактовку макроэкономических проблем в неоклассическом синтезе, где существовали разные подходы к краткосрочным и долгосрочным периодам. Новые классики долгосрочную ситуацию распространили на краткосрочную, что позволило объединить теорию роста с теорией цикла. Их теории предполагали распространение универсальной логики

²²«Считается, что новая теория должна быть «более ясной», более удобной или более простой, чем старая» (Кун, 1977. С.204). Кун отмечает здесь апелляцию к эстетическому чувству, особенно свойственную математикам.

оптимизации на ожидания²³. Впрочем, считать возникшую при этом искусственную теоретическую модель, основанную на репрезентативном агенте с рациональными ожиданиями, обобщающей абстракцией можно только условно. Это просто артефакт - модель индивида для непосредственного объяснения всей экономики, ее можно назвать метафорой «Человек-экономика». Вспомним, что модель человека в маржиналистской теории вполне можно трактовать как абстракцию. Модель человека здесь более абстрактна, чем была в классической политической экономии, но все же это упрощение человека для объяснения человеческого поведения.

Вероятно, можно сказать, что в случае лукасианской революции внутренняя согласованность (внутри теории) противоречит внешней (между теорией и фактами). Но вопрос о внутренней согласованности здесь тоже нельзя считать до конца проясненным.

V. К вопросу о микрооснованиях (ложная согласованность?)

Большинство современных макроэкономистов полагают, что микрооснования для макроэкономики обязательны. Эта точка зрения основана неявным образом на «вертикальной» метафоре здания, где фундамент предположительно образует микроэкономика. Однако высказывается и иное мнение, что области микро и макро влияют друг на друга горизонтально, а не вертикально. В частности, могут быть не только микрооснования для макроэкономики, но и макрооснования для микроэкономики (впервые об этом сказал Такаси Негиси). Микро и макро два равных по величине здания, стоящих рядом и связанных мостиками (King, 2012).

А если так, то микроредукция, которую применяют новые классические макроэкономисты — это эвристический принцип, а не методологический императив. Если получается его применить - хорошо, если не получается — ничего страшного. Это точка зрения выдающегося методолога экономической науки Марка Блауга.

Веру в микрооснования Оливье Бланшар (King, 2012. P.112) назвал квазирелигиозной, а Хувер отнес ее к (King, 2012. P.222). области ложного сознания и коллективных иллюзий.

Надо оговориться, что внутренние аспекты кризиса всегда обязательны. Кризис не может не пройти через научное сообщество.

Но эти внутренние аспекты, естественно, не обращали на себя такого внимания, как приход недовольной королевы Елизаветы II в Лондонскую школу экономики в 2008 году.

Внешние аспекты кризисов²⁴, естественно, были связаны с макро-потрясениями: «Великой депрессией» перед кейнсианской революцией, стагфляцией 1970-х перед лукасианской революцией. Можем добавить сюда и «Великую рецессию» 2007–2008 гг., произошедшую перед несостоявшейся революцией в макроэкономике. Этот кризис имел в качестве главной проблемы финансовые проблемы, в первую очередь связанные с рынками производных финансовых инструментов.

²³ В теории неоклассического синтеза оптимизация потребления, оптимизация инвестиций, оптимизация портфеля не были связаны между собой (естественный подход для частичного равновесия). Рациональные ожидания позволили применить подход общего равновесия.

²⁴ «В зрелой науке <...> внешние факторы <...> являются принципиально важными при определении стадий упадка» (Кун, 1977. С.100).

А что можно сказать о кризисе, предшествовавшем маржиналистской революции? Большинство исследователей не констатируют в данном случае макро-потрясений и считают кризис чисто внутренним. Но некоторые авторы, придерживавшиеся марксистских взглядов, считали соответствующим внешним аспектом обострение классовой борьбы в 1830–1840-е годы, достигшее кульминации в политических революциях 1830 и 1848 года. По их мнению, именно классовый подход обусловил крах рикардизма в том смысле, что оно было слишком радикальным в накаленной обстановке тех времен²⁵. Интересно, что при такой трактовке роковым для классической политической экономии оказывается не расхождение с фактами, а напротив, слишком «острое» совпадение с ними! Но тогда разными ответами на кризис можно считать и реформистские усилия Дж. С. Милля, и историческую школу и «Капитал» Маркса. Классовый антагонизм следовал из теории Рикардо и развивался социалистами-рикардизмами и Марксом. Казалось бы, «симметричный» ответ на теории классового конфликта был дан Бастиа в его «Экономических гармониях». Но все это не было революциями, даже недостроенная политэкономия «Капитала» Маркса, которая не вытеснила классическую систему.

Но все они не дотягивали до научных революций в области экономической теории, хотя имели важное политическое значение! А вот маржиналистская революция революцией стала, хотя ее отношение к политическим вопросам косвенное и неочевидное. Ее ответ на классовые конфликты можно обозначить как «замалчивание». Если согласиться с данной характеристикой кризиса (это вовсе не обязательно), то данный ответ можно обозначить как «асимметричный».

VI. Асимметрия революций и кризисов

Мы хотели бы обратить внимание на явление, которое можно было бы назвать *асимметричным ответом революций на кризисы*. Мы уже упоминали про ответ маржиналистской революции на классовые конфликты 1830-х–1840-х гг.²⁶

Кейнсианскую революцию можно считать прямым ответом на кризис, связанный с неадекватным толкованием Великой депрессии. Конечно, мы можем согласиться с тем, что в «Общей теории» очень мало про экономическую политику (Backhouse, Tribe, 2018. P. 269). Но как отмечают те же британские ученые Бэкхауз и Трайб, Кейнс был мало заинтересован в экономической теории как таковой, скорее его волновала экономическая наука как *диагностика*. И диагноз мучившей западное общество болезни был действительно поставлен!

В случае лукасианской революции кризис был как бы про одно, а революция - про другое. Ответ был асимметричным. Кризис был связан с отношениями экономической науки и экономической реальности, причем обвинение в адрес экономической науки обычно связывалось с ее «формализмом». Сама же лукасианская революция была сосредоточена на внутренних аспектах, причем ответ парадоксальным образом заключался не в ослаблении, а в нарастании формализма. Внутренний ответ кажется неадекватным внешнему импульсу

²⁵ Де Фру писал: камень преткновения или аномалия классической парадигмы лежал в ее политических последствиях. Следовательно, было необходимо одновременно отбросить дисгармоничные элементы рикардизма и предложить обоснование прибыли. Именно эту функцию выполнила неоклассическая научная революция (De Vroey, 1975. P.24)

²⁶ Лично я не разделяю этот взгляд и считаю основной причиной маржиналистской революции не внешние, а внутренние аспекты, которые уже упоминались.

и даже на него толком не отвечает²⁷. Для того, чтобы «доказать», что неполная занятость может быть при равновесии, представителям новой классической макроэкономики пришлось полностью переосмыслить и равновесие, и неполную занятость и само понятие теории! Раньше равновесие предполагало состояние покоя. В реальности - всегда имело место неравновесие, но процесс стремился к равновесию, подобно колебаниям маятника. Равновесие в новой классической макроэкономике означает только то, что в каждый момент происходит расчистка рынков и агенты оптимизируют свой выбор между потреблением и отдыхом на будущий период. Под занятостью Лукас и его последователи имели в виду не долю занятых, а долю отработанных часов. Что же касается теории, то она у новых классических макроэкономистов представляет собой набор инструкций, как построить аналогичную систему, имитационную, механическую экономику. Предпосылки модели (такие, как рациональные ожидания) — это принципы построения моделей, а не тезисы о реальности. То есть у теории отныне нет объяснительной функции. Лукасианская революция заменила внешнюю обоснованность внутренней согласованностью). Видимо, к ней можно применить такие слова Куна: «Революция нередко сужает сферу интересов профессионального сообщества, увеличивает степень специализации, ослабляет коммуникации с научными и ненаучными группами» (Кун, 1977. С. 222).

Одним словом, при макрореволюциях асимметрия ответа может происходить из того, что теоретический ответ не воспринимается как главное! Главным представляется политический ответ, связанный с идеологическими вопросами, такими как соотношение рынка и государственного регулирования. Но важно и то, какова степень абстракции теоретического ответа

VII. Политика и идеология в научных революциях

Кун указывал, что «одно из наиболее строгих, хотя и неписанных правил научной жизни состоит в запрете на обращение к главам государств или к широким массам народа по вопросам науки» (Кун, 1977. С. 220). Однако и здесь экономическая наука специфична. Внешние аспекты научных революций в этой области были связаны с экономической политикой. Большие потрясения в экономической системе западных стран начиная с XX века (собственно, с Великой депрессии), воспринимались как сигнал к решительному изменению государственной политики. Это полностью относится к двум последним из наших «канонических» революций. С кейнсианской революции это явление и началось.

Само возникновение активной государственной экономической политики означало, что рыночная система хозяйства не справляется с возникающими трудностями собственными силами и не является самодостаточной по природе. Закат веры в гармоничность рыночной системы, нашедшей свое воплощение в законе Сэя, означал новый идеологический вызов. С тех пор идеология свободного рынка и идеология государственного вмешательства вели между собой постоянную конфронтацию на поле экономической политики.

Как уже отмечалось, Кейнс не был по преимуществу теоретиком и рассматривал теорию как диагностику болезней, которыми страдала реальная рыночная экономика. В этом он был наследником своего учителя Маршалла, стремившегося к непосредственно полезной экономической теории. Маршалл без колебаний мог пожертвовать строгостью и

²⁷ «Неоклассическая контрреволюция в первую очередь была движима идеями, а не событиями. Частично в этом виновата одержимость внутренней согласованностью» (Wren-Lewis, 2016).

последовательностью теории ради ее применимости²⁸. Поэтому сочетание экономической теории и политики было у Кейнса относительно гармоничным.

Совсем иначе дело обстояло в случае лукасианской революции. Ее ответ на стагфляцию носил, как мы отметили асимметричный и сугубо теоретический характер. Но без идеологии и политики здесь тоже не обошлось.

Относящиеся к первому, более абстрактному канону экономической науки (Автономов, 2013) теории новых классических макроэкономистов не могли сказать про политику ничего, кроме общих принципов: свободы рыночных цен, вредности инфляции вообще, независимости Центральных банков и т.д. (De Vroey, 2016. P. 306; Автономов, 2020)

Многие ведущие макроэкономисты отметили в связи с этим возникновение глубокого разделения труда между макроэкономистами-теоретиками, которые делают микрооснованные модели, и макроэкономистами-практиками, отвечающими за политику (Мэнкью, 2006; Blanchard, 2017)²⁹. При этом Центральные банки и иные органы, проводящие политику, не могут отстать от академической моды и заводят себе модели DSGE, но для практических нужд держат также вышедшие из теоретической моды эконометрические модели старого типа.

Эта ситуация вызвала тревогу и недоумение у властей. Кроме уже упомянутого визита британской королевы, были проведены слушания в американском Конгрессе (Colander, 2010).

Можно сделать вывод, что прямой связи между идеологией (видением) и теорией (концептуальным аппаратом), то есть внутренними аспектами научной революции вполне может не быть. Но внешние аспекты, отражающиеся в политике, конечно, испытывают влияние идеологических кредо³⁰.

По данному вопросу красноречиво высказался и сам Роберт Лукас: «Кейнс был политическим активистом от начала до конца. Он хотел показать, что есть путь избавиться от депрессии, не прибегая к социализму и фашизму (Lucas, 2004. P. 24). Про свою же работу о деловых циклах Лукас писал, что это — попытка прояснить модель, лежащую в основе политических предложений Фридмена, Симонса и др. критиков активистской агрегатной политики. (Lucas, 1987. P. 234)

VIII. Заключение

Что можно сказать в итоге нашего краткого обзора куновских революций и кризисов в истории экономической науки? Нам кажется, что этот исследовательский аппарат можно употреблять для описания периодов повышенной турбулентности, которые то и дело сменяют периоды постепенного развития экономической теории. Вопрос о том, как научное сообщество реагирует на внешние потрясения в экономике является достаточно сложным.

²⁸ Об этом прямо говорит его письмо, в котором Маршалл пишет, что с удовольствием занимался бы развитием инструментов общего равновесия, изложенным им в математическом приложении XXI к «Принципам экономической науки», не будь они слишком абстрактны

²⁹ Бланшар прямо назвал два класса моделей «теоретическими» и «политическими».

³⁰ «Должна быть основа (она может не быть ни рациональной, ни до конца правильной) для веры в ту теорию, которая избрана в качестве кандидата» (Кун, 1977. С. 207).

Он заслуживает дальнейшего рассмотрения, например, в части факторов, определяющих, когда революции удаются, а когда нет.

Список литературы / References

- Автономов В. (2013). Абстракция - мать порядка? (историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. N 4. С. 4–23. [Avtonomov V. (2013) Is Abstraction the Mother of Order? (historico-methodological deliberations about the connection between economic science and economic policy). *Voprosy ekonomiki*. № 4., pp.4–23. (In Russian)]
- Автономов В. С. (2020). Есть ли связь между экономической методологией и экономической политикой? // Автономов В. С. (2020). В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. С. 435–476. [Avtonomov V. Is there a Connection between Methodology of Economic Science and Economic Policy? In: Avtonomov.V.S. (2020) In Search of Man: essays in history and methodology of economic science. Noscov: Gaidar Institute Publ.; St.-Petersbourg: Faculty of Liberal Arts of St-Petersbourg State University, pp.435–476 (In Russian)]
- Автономов В., Автономов Ю. (2016). Общая теория `споров о методах` в экономической науке // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–20.
- Блауг М. (2015). Формалистическая революция 1950-х годов. //Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. С.37–56. [Blaug M. (2015) The Formalist Revolution of 1950-es // The Sources: Qualitative Changes in Economic Reality and Economic Science. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, pp. 37–56. (In Russian)]
- Истоки (2023). 150 лет маржиналистской революции. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. [The Sources (2023): 150 Anniversary of Marginal Revolution. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russian)]
- Капелюшников Р. И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полу-социологические наблюдения // Вопросы экономики. № 5. С. 110–128. [Kapelyushnikov R. (2018) On the Present State of Economic Science: quasi-sociological observations. *Voprosy ekonomiki*, № 5. С. 110–128. In Russian].
- Кейнс Дж.М. (2007) Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо
- Кун. Т. (1977). Структура научных революций. М.: Прогресс. 2- изд. [Kuhn T (1977) *The Structure of Scientific Revolutions*. 2 ed. Moscow: Progress Publishers. (In Russian).
- Мэнкью Н.Г. (2009). Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. № 5. С.86-103. [Mankiw N.G. Macroeconomist as Scientist and Engineer. *Voprosy ekonomiki* № 5 pp.86–103 (In Russian)]
- Ambrosino A., Cedrini M., Davis J. (2024). Today's economics: one, no one and one hundred thousand. *The European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 31. No. 1. Pp. 59–76.

- Angrist J., Pischke J.-S. (2010). The Credibility Revolution in Empirical Economics: How Better Research Design Is Taking the Con out of Econometrics. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No 2. Pp.3–30.
- Azariadis C. (2018). Riddles and Models: A Review Essay on Michel De Vroey's *A History of Macroeconomics from Keynes to Lucas and Beyond*. *Journal of Economic Literature*. Vol. 56. No. 4. Pp. 1538–1576.
- Backhouse R., Cherrier B. (2017). The Age of the Applied Economist: the Transformation of Economics since the 1970s. *History of Political Economy*. Vol. 49. No. 5. P. 1–33
- Backhouse R., Tribe K. (2018). *The History of Economics. A Course for Students and Teachers*. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing.
- Bakeev M. (2023). Why Not Be Data-Driven? Historical Arguments and Their (Ir)relevance to Modern Economics [Paper presentation]. History of Political Economy Lunch Seminar Series, Duke University, Durham, NC, United States.
https://ipl.econ.duke.edu/seminars/system/files/seminars/3763_paper.pdf
- Baumberger J. (1977). No Kuhnian Revolutions in Economics. *Journal of Economic Issues*. Vol. 11. No 1. Pp.1–20.
- Baumol W. (2009). Endogenous growth: valuable advance, substantive misnomer. In: Boyanovsky M., Hoover K. (eds.) *Robert Solow and the Development of Growth Economics*. Durham: Duke University Press.
- Blanchard O. (2017). *The Need for Different Classes of Macroeconomic Models*. Washington: Peterson Institute for International Economics.
- Coats A. W. (1969). “Is There a ‘Structure of Scientific Revolutions’ in Economics?” *Kyklos*. Vol. 22. No. Pp. 289–294.
- Colander D. (2010) *Building a science of economics for the real world*. (Testimony for US Congress).
- De Vroey M. (2016). *A History of Macroeconomics. From Keynes to Lucas and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- De Vroey M. (1975). The Transition to Neoclassical Economics: A Scientific Revolution. *Journal of Economic Issues*. Vol. 9. No. 3. Pp.415–440.
- Dillard D. (1978). Revolutions in Economic Theory. *Southern Economic Journal*. Vol. 44. No. 4. Pp. 705–724
- Drakopoulos S., Karayiannis A. (2005). A Review of Kuhnian and Lakatosian “Explanations” in Economics. *History of Economic Ideas*. Vol. 13. No. 2. Pp. 51–73.
- Eichner A., Kregel J. (1975). An Essay on Post-Keynesian Theory: A New Paradigm in Economics. *Journal of Economic Literature*. Vol. 13. No. 4. Pp. 1293–1314.
- Hutchison T. (2000). *On the Methodology of Economics and the Formalist Revolution*. University of Birmingham.

- King J. E. (2012). *The Microfoundations Delusion: Metaphor and Dogma in the History of Economics*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar.
- Krueger J., Kutzner F. (2017). Homo Anomalus: Richard Thaler's Kuhnian Adventure. *The American Journal of Psychology*. Vol. 130. No. 3. Pp. 385–389.
- Loasby B. (1971) Hypothesis and Paradigm in the Theory of the Firm. *The Economic Journal*. Vol. 81. No. 324. Pp. 863–885.
- Lucas R. (1972). Expectations and the Neutrality of Money. *Journal of Economic Theory*. Vol. 4. No. 2. Pp. 103–124.
- Lucas R. (1976). Econometric Policy Evaluation: A Critique. In: Brunner K., Meltzer A. (eds.). *The Phillips Curve and Labor Markets, Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy, vol. 1*. New York: American Elsevier, pp. 19–46.
- Lucas R. (1987) *Studies in Business- Cycles Theory*. 2 ed. Cambridge, Ma.: The MIT Press.
- Lucas R. (2004). Keynote address to the 2003 HOPE conference: My Keynesian Education. *History of Political Economy*. Vol. 36. No. 5. Pp.12–24.
- Lucas R., Sargent T. (1979). After Keynesian Macroeconomics. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review (Spring 1979)*.
- Parsons D. (1985). Was Keynes Kuhnian? Keynes and the Idea of Theoretical Revolutions. *British Journal of Political Science*. Vol. 15. No. 4. Pp. 451–471.
- Stanfield R. (1974). Kuhnian Scientific Revolutions and the Keynesian Revolution. *Journal of Economic Issues*. Vol. 8. No. 1. Pp. 97–109.
- Stigler G. J. (1969). Does Economics Have a Useful Past? *History of Political Economy*. Vol. 1. No. 2. Pp. 217–230.
- Wren-Lewis S. (2018). Ending the microfoundations hegemony. *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34. No. 1–2. Pp. 55–69.
- Wren-Lewis S. (2016). Unravelling the New Classical Counterrevolution. *Review of Keynesian Economics*. Vol. 4. No. 1. Pp. 20–35.

Vladimir Avtonomov (vavtonomov@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). Centre for the History and Methodology of Economic Science. Department of Theoretical Economics. Distinguished Professor. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

On Revolutions and Crises in Economic Science

The paper studies the applicability of Thomas Kuhn's theory of scientific revolutions to economics. We analyse three key "revolutions": marginalist, Keynesian, and Lucasian (rational expectations), identifying their stages and characteristics. We focus on the asymmetry between crises (external and internal) and theoretical responses to them, as well as the complex interactions between economic theory, policy, and ideology. The presented analysis suggests that Kuhn's model is useful for describing periods of turbulence in economics, albeit with significant caveats.

JEL Codes: B41 Economic Methodology

Keywords: scientific revolution, development of economic science, marginal revolution, Thomas Kuhn, John Maynard Keynes, Robert Lucas

Any opinions or claims contained in this Working Paper do not necessarily reflect the views of HSE.

© AVTONOMOV, 2025